

В те дни Янь Цзызюнь перестал ходить на службу в дальние горы. Лао Юань, доверив ему столь важное поручение, попросту освободил юношу от остальных забот.

— Цзюнь-гэер, ну как успехи? — Лао Юань переступил порог и поежился. В этом тенистом дворике было по-зимнему зябко; холодный ветер, залетавший в углы, заставлял старика втягивать голову в плечи.

Янь Цзызюнь, держа в руках ковш, как раз поливал пересаженные недавно Митуоло. Увидев гостя, он посторонился, позволяя тому взглянуть самому.

— Выглядят получше, чем на горе, но радости мало. Все такие же полуживые, смотреть тошно, — честно признал Лао Юань.

Он и не надеялся, что у Цзызюня что-то выйдет, а потому и разочарования не чувствовал. Напротив, ему было жаль юношу: тот из-за этих цветов совсем извелся — зарылся в книги, кланялся в ноги знающим людям, искал способы, ночами не спал, оберегая ростки. Цзызюнь даже осунулся от такой нагрузки.

Чувствуя вину, Лао Юань упросил Лу Чуньлиня напечь сладостей. Закончив обход на горе, он поспешил в Сяньюань, чтобы подбодрить помощника.

Цзызюнь, не отрывая взгляда от бутонов, тихо проговорил:

— И всё же им лучше.

— Что ты сказал? — не расслышал старик.

Цзызюнь указал на ветку:

— Я говорю, они крепче тех, что остались на горе. Не верите — посмотрите сами.

Лао Юань присмотрелся к бутону, на который указывал юноша, и изумленно вскинул брови:

— И впрямь! Куда бодрее тех капризных барышень на склонах. Листья хоть блестеть начали, да и бутоны держатся... Но как же так? Это же бессмыслица!

Янь Цзызюнь и сам гадал, в чем секрет. Его дворик стоял на отшибе, солнца здесь почти не бывало, а почва была куда беднее горной. Митуоло хоть и любят тень, но не до такой же степени. Он поливал и удобрял их ровно так, как советовали мастера, да и время для пересадки было не самое удачное — холода еще не отступили.

Логика в том, что цветы здесь прижились лучше, не было никакой.

Вдруг Лао Юань что-то вспомнил. Он выхватил ковш из рук юноши, принялся и тут же сморщился, зажимая нос:

— Чем это ты их поливаешь? Ни то пахнет, ни то воняет — аж в нос шибает!

— Это удобрение. Сам сделал.

Старик удивленно хохотнул, тыча пальцем в Цзызюня:

— Ну и мастак ты, парень! Всего несколько дней возишься, а уже в агрономы записался. Если оставить тебя тут на год-другой, ты ж старых мастеров за пояс заткнешь!

— Куда мне до них... Я расспросил мастера Цэня, почитал книги и решил попробовать один способ. Взял рыбы потроха, пропарил их в печи, потом добавил мелко истолченные кости скота. Всё это перемешал с водой и дал настояться несколько дней. Найти всё это несложно — на кухне добра навалом, но вонь стояла жуткая. Пришлось закапывать глубоко в землю, иначе в этот двор вообще зайти было бы невозможно.

Лао Юань снова взглянул на ковш:

— А это что? Вроде не так сильно смердит.

— Рисовая вода с апельсиновыми корками. Говорят, от нее запах приятнее и корни крепнут. Не знаю, правда ли поможет.

— Поможет, еще как поможет! — Лао Юань схватил Цзызюня за руку и потащил к выходу. — Хватит тут копаться. Велю сейчас собрать твои пожитки — переедешь на гору. Будешь там всё делать по своему разумению. Вижу я, ты в этом деле смыслишь побольше иных стариков!

Так Цзызюнь оказался в караулке на горе, где и провел следующие полмесяца. Лао Юань воспрял духом, надеясь, что методы юноши спасут положение. Но надежды разбились в прах.

Митуоло по всей горе продолжали чахнуть. Бутоны день за днем теряли жизненную силу: одни засыхали прямо на стеблях, другие осыпались, превращаясь в прах под ногами.

В конце концов скрыть катастрофу не удалось, и дело дошло до управляющего Цзя. Мало того, что он явился на гору и устроил Лао Юаню жестокий разнос, он принес еще более пугающие вести. Чжу Тяньган добыл на южных морях небесную траву и на днях должен вернуться на Дунтин. Для лекарства не хватало лишь талой воды с цветов Митуо, и Господин Чжу ждал её с минуты на минуту.

Когда спустилась ночь, Лао Юань расстелил на полу кусок ткани и начал собирать вещи.

— Всё, приехали. Господин наверняка меня вышвырнет из сада, — причитал старик. Заметив, что Цзызюнь молчит, он замер. — Знаю, ты боишься Господина Чу. Но не дрейфь, ты тут ни при чем. Если спросят — скажу всё как есть. А если Господин решит сорвать зло на тебе, я заступлюсь.

Видя, что Цзызюнь никак не реагирует и явно витает в своих мыслях, старик встревожился:

— Цзюнь-гэер, ты чего? Неужто от страха перед поркой ум зашел за разум?

— Вы погодите вещи-то паковать. Завтра... завтра велите мастеру Цэню и остальным перекопать землю под цветами. Да поглубже. Надо всё проверить.

— Это еще зачем? — не понял Лао Юань.

— Я в детстве помогал деду в саду, — спокойно начал Цзызюнь. — Если растение чахнет, причин немного: вода, свет, удобрения или вредители. Раз уж мы всё равно в тупике, давайте попробуем последнее средство. А вдруг поможет?

Лао Юань помедлил, его рука с узлом вещей дрогнула. Цзызюнь подошел к печи, порылся в своей корзинке с инструментами и вытащил сверток из красной ткани, который тут же вложил в руки старика.

— Цзюнь-гэер, это что еще?.. — Лао Юань развернул ткань. Внутри лежали несколько корней дикого женьшеня толщиной в детскую руку. Он недоуменно уставился на юношу.

Цзызюнь улыбнулся:

— Вы же сами сказали: господин вас выгонит и всё жалованье за годы службы отберет.

Старик кивнул: — И то верно, это еще по-божески будет...

— Эти пять корней стоят целое состояние, их и за золото не всегда купишь. Если придется уйти, продадите их — вашей семье надолго хватит.

Лао Юань вскочил, пытаясь вернуть подарок:

— Да как же так! Не возьму я!

Он и раньше помогал юноше по мере сил, но это было лишь частью его работы. А теперь

Цзызюнь, который сам рисковал попасть под горячую руку господина, так заботился о его будущем... Старику стало не по себе от такой щедрости.

Но Цзызюнь был тверд. Он ловко свернул ткань и буквально запихнул сверток в дорожный сундук Лао Юаня.

— Не возьмете — я обижусь. Я нашел их в глубоком овраге на заднем склоне. После случая с кражей я знаю: если не воровать из закровов, господин не гневается. Так что берите смело.

Тронутый до глубины души, Лао Юань не знал, что и сказать. Цзызюнь же мягко подтолкнул его:

— Дядюшка Юань, ложитесь спать. Завтра я пойду с вами в питомник. Как бы ни было трудно сейчас, выход всегда найдется. Не терзайте себя понапрасну.

Глядя на спокойного, рассудительного юношу, Лао Юань почувствовал, как тревога отступает. Он понял, что раньше недооценивал Цзызюня. Тот хоть и выглядел хрупким, обладал завидной выдержкой и внутренним стержнем.

На следующее утро гору окутал густой туман. Небо словно обернули белой марлей, и в паре шагов всё тонULO в мареве. Из-за затяжных дождей утро выдалось сырым и зябким. Цзызюнь и Лао Юань, ведя за собой людей, двинулись сквозь удушливую лесную влагу.

В питомнике Лао Юань велел юноше отойти в сторону, а сам взял лопату. Работники принялись выкорчевывать Митуоло. Цветы, лишённые былой красоты, теперь напоминали лишь сухие палки. Их безжалостно выдирали из земли вместе с комьями грязи.

Янь Цзызюнь стоял поодаль, спрятав руки в рукава. Он не вмешивался, лишь пристально разглядывал тонкие стебли, обнажавшиеся под ударами лопат. Когда из земли показались корни, по рядам работников пронёсся испуганный шепот.

На поверхности стебли казались просто слабыми, но то, что скрывалось в земле, выглядело пугающе неестественно. Под слоем почвы стебли были покрыты мокнущими черными пятнами, переходившими в сплошную гниль. Некогда мощная корневая система усохла до толщины пальца, а мелкие корешки почернели и превратились в труху.

— Всё сгнило, — с горечью выдохнул Лао Юань.

— Нет, — Цзызюнь шагнул вперед. — Посмотрите, Заведующий Юань. Корни превратились в кашу, но почему совсем нет запаха?

Старик принялся. Действительно, не было того тяжелого духа плесени и гнили, который всегда сопровождает гибель растений во влажной почве.

— Что за чертовщина? Это не похоже на обычную болезнь, — пробормотал Лао Юань.

— Словно кипятком ошпарили, — вставил кто-то из слуг. — Кто же на такое решился? Глупая шутка, да и только.

Цзызюнь лишь покачал головой. Слуги переглядывались, ожидая команды, и Лао Юань невольно снова посмотрел на юношу.

— Мастера молчат — значит, сами не понимают, в чем дело, — прошептал Цзызюнь на ухо старику. — Дядюшка Юань, велите копать дальше. Посмотрим, что они скажут, когда доберутся до сути.

Лао Юань кивнул. Прошло еще около четверти часа, работа кипела, как вдруг тишину пререзал истошный крик.

— Что там еще? В чем дело? — Лао Юань бросился в гущу людей, Цзызюнь — за ним.

Протиснувшись вперед, юноша едва не лишился завтрака. Его ноги подкосились, он судорожно схватился за плечо соседа, чтобы не упасть.

Лао Юань, оказавшийся рядом, мгновенно закрыл ему глаза ладонью и прикрикнул на слуг:

— Окаменели, что ли?! Уведите Цзюнь-гэера отсюда, живо!

Двое слуг подхватили Янь Цзызюня под руки и оттащили подальше от ямы.

— Управляющий, что делать-то будем?

Все растерянно смотрели на Лао Юаня. Но тот, вопреки ожиданиям, не колебался. Он посуровел и принял решение мгновенно.

— Хладнокровные твари... — прорычал он. — Позабыли, чья это земля? Решили под нашим носом бесчинствовать!

Он плеснул в яму сосновое масло, выхватил факел и швырнул его вниз. Из глубины ямы, объятай пламенем, донеслось жуткое «цзи-а!» — визг, от которого кровь стыла в жилах.

Это были человекоподобные коконы насекомых. У них едва начали формироваться головы, напоминающие лица людей, но сил сопротивляться не было. В огне они лишь предсмертно извивались, пока пламя не поглотило их целиком, превратив в кучу зловонной гари.

В воздухе повис тяжелый, тошнотворный запах разложения. Но Лао Юань, казалось, не замечал его. Он выпрямился, и в его взгляде появилась былая твердость.

— Чего застыли?! — гаркнул он на слуг. — В саду нечисть завелась! Копайте дальше, я хочу знать, сколько этих выродков здесь притаилось!

Он подозвал мастера Цэня и быстро прошептал:

— Живо к большому управляющему. Расскажи вкратце, что у нас беда, но Господина Чу пока не тревожьте.

— Будет сделано, не извольте беспокоиться.

Мастер Цэнь кивнул и тут же обратился в струю изумрудного дыма, которая растаяла в сторону Сяньюаня.

<http://bllate.org/book/17484/1693722>